В. Л. СНЕГИРЕВ

СТОРОЖЕВАЯ СЛУЖБА

(Оборона границ государства в древней Руси)

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1942

В. Л. СНЕГИРЕВ

СТОРОЖЕВАЯ СЛУЖБА

(Оборона границ государства в древней Руси)

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1942

I

«Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию до самого Черного моря, была зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений; одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытаптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше: вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог весть на каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает черною точкою! Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем!..»

Так описывает Гоголь благодатные южные степи Приднепровья в исторической повести «Тарас Бульба», события которой относятся к XV столетию. Такими же благодатными, но еще более девственными были эти степи, ко-

гда на великом речном пути «из варяг в греки»[1] лежало Киевское государство, империя Рюриковичей, возникновение которой датируется концом IX в.

В X в. Киевская Русь при Святославе (умер в 973 г.) была уже на подъеме, а при сыне его Владимире (978—1015 гг.) наступил ее расцвет. Тогда Русь вела успешные войны с могущественной Византийской империей, поддерживала оживленные торговые сношения с восточными странами и Западной Европой. Немецкий таможенный устав начала X в. говорит о русских купцах, торговавших с Германией через Богемию (Чехия). В свою очередь и западные купцы, по свидетельству польского летописца Мартина Галла, издавна ходили через Польшу на Русь. В трактате «О различных ремеслах», составленном во второй половине X в. в одном из прирейнских (немецких) городов, в числе стран, известных в Европе своими изделиями, на втором месте после Византии (культурного центра тогдашнего цивилизованного мира) названа Русь, славившаяся «изобретением многообразных изделий по эмали и разнообразием поделок с чернью». В западноевропейских источниках название Киева встречается гораздо чаще, чем более близкие к Западной Европе польские города. При Ярославе Мудром (1019—1054 гг.) Киев, украшенный великолепным Софийским собором, Золотыми воротами и другими постройками, имевший школы и большое книгохранилище при соборе, считался в Европе городом необычайно богатым, культурным и рассматривался уже как соперник Константинополя. Немецкий историк Адам Бременский в своей хронике прямо называет Киев вторым Константинополем.

Помимо «стольного города» Киева, расположенного на правом, горном берегу Днепра, в Киевском государстве, в состав которого входила и обширная Новгородская земля, было столько городов, что в Скандинавии державу Рюриковичей называли Гардариком, т. е. «страной городов». Родственные (путем браков) связи русского великокняжеского дома с византийским и европейскими дворами ясно свидетельствуют о месте и высоком значении Киевского государства в системе европейских государств.

Но державе Рюриковичей с первых же моментов ее

---

[1] Этот водный путь, в течение нескольких столетий игравший огромную роль в торговых взаимоотношениях Европы и Ближнего Востока, шел через Финский залив, Неву, Ладожское озеро, Волхов, Днепр и Черное море в Константинополь и Малую Азию.

возникновения постоянно грозила большая опасность извне.

Киевское государство, быстро раздвинувшее свои рубежи, не имело на них природной защиты в виде горной цепи или трудно проходимых лесов и болот. Почти везде оно граничило полем, везде была равнина. Впрочем, с запада, со стороны Польши, Литвы и Венгрии, опасность была сравнительно не так уж велика. Но страшная угроза нависала над Киевской землей с юго-востока, оттуда, где за Днепром расстилались степи, так поэтично воспетые Гоголем.

Эти степи далеко на севере, за Окой, переходили в дремучие первобытные леса, на юге были окаймлены морскими просторами, с востока же казались бескрайними. Достигая Уральского хребта, они сливались здесь через «Врата народов»[1] с великими азиатскими степями. Через эти «ворота» с незапамятных времен переходили в Восточную Европу орды гуннов, болгар, аваров и других азиатских кочевников.

В VIII — IX вв. первенствующее положение в наших южных степях занимали хазары, среди которых было распространено земледелие, первоначально кочевого типа. Хазары скоро стали покидать кочевой быт и обращаться к мирным промыслам. Хазарские города Семендер, Итиль и Саркел являлись местами оживленной торговли и культурных сношений. Средоточие речных путей, ведших к Черному, Азовскому и Каспийскому морям, делало из Итиля, столицы Хазарии, центральный рынок всей Юго-Восточной Европы.

В составе населения многолюдных хазарских городов имелись и славяне. Немало славян служило в войсках хазарского хана. Некоторые племена восточных славян (поляне, северяне, вятичи) до половины IX столетия платили дань хазарским ханам. В течение более 200 лет хазары держали под своею властью южные степи. Долгое время сдерживали они напор из-за Дона и Волги печенегов и подчинили себе воинственное племя угров (венгров), пришедших в VIII столетии из южного Приуралья в черноморские степи. Между хазарами и печенегами шла долгая и упорная борьба. Но к концу X столетия уже обнаружились явные признаки упадка хазарского могущества: их военная мощь ослабела, и они принуждены были пропу-

[1] Пространство между южной оконечностью Урала и северным побережьем Каспийского моря, не занятое горами.

стить в южные степи угров. Немного спустя печенеги в свою очередь прорвались на запад и заняли степи, а за ними появились торки, берендеи, кара-калпаки (черные клобуки) — тюркские народности, вышедшие из Азии.

Только один день пути отделял теперь печенегов от Киевской земли, которой пришлось обороняться от натиска свирепых варваров. Печенеги не только мешали колонизационному продвижению русских [1],— они вторгались непосредственно в пределы их страны, грозили самому Киеву, отрезали его в торговом отношении от юга (главным образом от Константинополя), влияли и на международное положение Киевского государства. Византийская империя, видя усиление Руси, стремилась противопоставить ей военный союз с печенегами. Император Константин Багрянородный поучал своего сына, что, когда Византия живет в мире с печенегами, Русь не может совершать нападений на Византию и требовать от нее большого выкупа в уплату за мир. Он же сообщает, что печенеги часто грабят Русь и причиняют ей очень много вреда и убытков.

Наша летопись сообщает под 915 годом первое известие о появлении печенегов в пределах Руси. На этот раз князь Игорь заключил с ними мир, и они отправились на Дунай, но вскоре Игорю же пришлось оружием отражать их набеги.

В дальнейшем, во время отсутствия сына Игоря, князя Святослава, воевавшего с Византией на Балканском полуострове, печенеги осадили Киев настолько тесно, что киевляне, по словам летописи, не могли поить своих коней на речке Лыбеди, протекавшей под самым городом. Положение осажденных было отчаянное. Они спаслись только хитростью. На другом берегу Днепра стояла малочисленная русская дружина во главе с воеводою Претичем, не решавшимся напасть на печенегов. Тогда один юноша вызвался уведомить Претича о бедственном положении киевлян, в осаде с которыми сидела мать Святослава, княгиня Ольга, с внуками. Смелый юноша вышел с уздой из города, прямо пошел в толпу неприятелей и на их языке стал спрашивать, кто видел его коня. Печенеги, думая, что это один из своих, дали ему дорогу; юноша успел добежать до Днепра, благополучно переплыл его и предупредил Претича, что киевляне, изнуренные голодом, хотят

[1] Причерноморские и приазовские степи в низовьях Дона, Днепра, Буга и Днестра, захваченные прежде славянской колонизацией, в X в. уже опустели и превратились в территорию кочевых орд.

на другой день сдаться. Претич, опасаясь гнева Святослава, решил спасти хотя бы княжеское семейство и на рассвете следующего дня с трубными звуками поплыл к городу. Печенеги, полагая, что это сам грозный Святослав или его передовой отряд, поспешили заключить мир и отошли от Киева.

Известия о борьбе Киевской Руси со степными хищниками дошли до нас с большими подробностями. Объясняется это тем, что такая борьба занимала народ несравненно больше, нежели отдаленные военные предприятия того же, например, Святослава. В этой борьбе дело шло о самых близких интересах народа: о его свободе, имуществе, жизни, а потому именно из народа выходили тогда неустрашимые борцы за общенародное дело. Летопись сообщает нам по этому поводу следующий интересный рассказ.

В 992 г. князь Владимир, сын Святослава, прослышав о приближении печенегов, встретился с ними на берегах Трубежа. Войско печенегов стояло за рекой. Печенежский князь вызвал Владимира на берег и предложил ему решить дело единоборством между двумя с обеих сторон высланными богатырями. В случае победы русского борца печенеги обязывались не нападать на русских в течение трех лет, в случае его поражения они вольны были три года опустошать русские владения. Владимир согласился и велел кликнуть в своем стане охотников для поединка, но никто не вызвался, и Владимир был в большой печали. Тогда приходит к нему какой-то старик и говорит: «Я вышел, княже, в поход с четырьмя сыновьями, а меньшой остался дома. С самого детства никто не мог побороть его. Однажды, в сердах на меня, он разорвал надвое толстую воловью кожу. Вели ему, княже, бороться с печенегом». Обрадованный Владимир немедленно же послал за юношей. Последний, не зная, сможет ли он одолеть печенежского богатыря, потребовал для проверки своей силы огромного быка. Когда полудикое животное, разъяренное каленым железом, пробегало мимо юноши, тот одной рукой вырвал у него из бока кусок мяса. На другой день явился печенег, великан ростом. Он рассмеялся при виде своего малорослого противника. Однако, когда бойцы схватились в рукопашную, русский сдавил печенега до смерти в своих железных объятиях и мертвого ударил его о землю. Среди русских пронесся победный клич, они устремились на устрашенных печенегов, которые едва спаслись

бегством. В память этой славной победы Владимир, по преданию, основал город Переяславль — «зане переял славу отрок тот» у печенежского бойца,— поясняет летописец.

Однако далеко не всегда дело кончалось так удачно для защитников Киевской земли. Три года спустя после поражения печенегов на берегах Трубежа они снова двинулись на Русь в великом множестве и приступили к городу Василеву на реке Стугне. Владимир, вышедший им навстречу с небольшой дружиной, не мог устоять против печенежского полчища и спасся лишь с великим трудом.

Все княжение Владимира прошло в упорной борьбе с печенегами, которые раскинулись тогда по обеим сторонам нижнего Днепра восемью ордами, делившимися каждая на пять колен.

Немецкий миссионер Брун, посетивший в 1007 г. кочевые становища печенегов, называет их «жесточайшими из всех язычников». Он же сообщает, что «князь руссов, имеющий обширные владения и большие богатства», оградил свои границы от кочевников «самым крепким частоколом на очень большое пространство».

Действительно, беспрерывные нападения кочевников заставили Владимира подумать об укреплении русских владений со стороны степей. «Худо, что мало городов около Киева»,— сказал он и велел строить острожки (крепости) по рекам Десне, Трубежу, Суле, Стугне и другим. С течением времени эти укрепленные места соединились между собой валами, остатки которых местами видны до сих пор. Ярослав, преемник Владимира, «поча ставити городы» по линии реки Роси, сообщает нам летопись.

Так по южным и юго-восточным границам тогдашней Руси, на правой и левой стороне Днепра, выведены были в X—XI вв. ряды земляных окопов и сторожевых застав, чтобы сдерживать нападения кочевников.

Земляной вал, называемый в летописях с п о м, п р и с п о м, п е р е с п о м (от слова сыпать), а перед ним ров, по-старинному г р е б л я (от слова грести, выгребать), составляли основные укрепления этих острожков, будущих городов. На валу был поставлен частокол, ров иногда усажен по краям заостренными обрубками дерева, вкопанными стоймя в один, два или несколько рядов так, чтобы нельзя было ни перескочить через них, ни пройти между ними.

Небезынтересно отметить, как составилось народонасе-

ление новопостроенных острожков. Согласно летописям, Владимир начал набирать туда «лучших мужей» от славен, кривичей, чуди и вятичей и поселил их «станицами» (отрядами) на новых местах, куда жители привлекались особыми льготами. «Лучшие (т. е. самые удалые) мужи», которым скучно было сидеть дома без привычных им воинских занятий, понятно, привлекались на границу, кроме льгот, еще и мыслью о постоянной борьбе. К тому же жителям бедного севера вообще выгодно было переселиться на постоянное житье в благодатные украинские области.

Из самых близких к Киеву городков Владимиром были построены Василев на Стугне и Белгород на Днепре. Владимир особенно любил Белгород и усиленно заселял его; «от иных городов много людей свел в него»,— говорит летописец.

Линия обороны Киевской земли, созданная Владимиром, имела тогда, несмотря на свою, с нынешней точки зрения, примитивность, очень большое значение. Однако набеги печенегов, не раз бравших верх своей численностью, продолжались и при детях Владимира.

В 1036 г., во время пребывания Ярослава Мудрого на севере, в Новгороде, печенеги снова осадили Киев. Узнав об этом, Ярослав поспешил вернуться и сразился с ними под самыми стенами города. Битва продолжалась целый день. Только к вечеру одержали русские полную победу, окончательно сокрушив силу лютейшего своего врага. Бóльшая часть печенегов полегла тогда на поле сражения, многие утонули в реках и лишь немногие спаслись бегством. В память этой блестящей победы Ярослав построил в Киеве великолепный Софийский собор (существующий и теперь) и щедро украсил его золотом, серебром, высокохудожественной мозаикой и драгоценными сосудами. В то же время киевский детинец (кремль) был обведен каменными стенами, главные ворота которых получили, подобно константинопольским, название Золотых врат.

После страшного поражения, нанесенного Ярославом печенегам, нападения их на Русь прекращаются.

Впрочем, это вовсе еще не значило, что Киевская земля избавилась от натиска степняков. В степях, к востоку от Днепра, произошло в середине XI столетия обычное тогда явление: господство одной кочевой орды сменилось господством другой. Кипчаки, они же кумане, а по-русски

половцы[1], народ тюркского происхождения и языка, поразив печенегов, заняли их место.

Словно темная грозовая туча, ежечасно готовая разразиться громами и ливнями, гибелью и опустошениями, тяготели в течение двух веков половцы над приднепровскою Русью. Черноморские степи между Волгой и Днепром, захваченные половцами, у русских получили название Половецкого поля. Наши летописи переполнены описаниями половецких набегов; эти известия дышат тем ужасом, который внушали кипчаки, стремительно налетавшие на беззащитные города и села, чтобы все ограбить и разорить, захватить громадный полон и предать огню и мечу все, чего нельзя было увезти с собой.

В первый же год по смерти Ярослава (1054 г.) половцы с ханом Болушем во главе появились в пределах Переяславского княжества, но на этот раз по договору с Всеволодом Ярославичем ушли назад в степи. В это время князья хотели нанести окончательное поражение другим пограничным кочевникам, торкам, которых вскоре, в 1059 г., победил Всеволод. В 1060 г. трое других Ярославичей, вместе с Всеславом Полоцким, собрали, по рассказу летописи, бесчисленное войско и пошли на конях и в ладьях на торков. Последние в ужасе бежали в степи. Князья погнались за торками, многих побили, других полонили; остальные погибли в степях от сильной стужи, голода и мора. С торками было покончено раз навсегда, но степи вскоре выслали страшных мстителей за них.

Уже в следующем году половцы опустошили Переяславское княжество, а с 1068 г., когда они нанесли жестокое поражение русским на реке Альте, начинается ряд их набегов на русские пределы. Половцы представляли собой в то время такую большую силу, что даже византийские императоры не могли справиться с ними самостоятельно и обращались за помощью к русским князьям для отвлечения половецких войск от границ Византии. В событиях, происходивших в Киевском государстве в период с XI и до начала XIII столетия, половцы принимали очень большое участие. Пользуясь феодальной раздробленностью Русской земли, половецкие ханы с выгодой для себя искусно вмешивались в княжеские усобицы.

Особенно тяжелую память оставил о себе кровожадный хан Боняк, по образному выражению историка Соловьева, «приобретший черную знаменитость в наших летописях».

[1] Русский перевод слова кипчак.

Русские современники считали Боняка злым чародеем. Изворотливый и отважный, как тигр, он больше других половцев нанес вреда Киевской земле. Часто под бревенчатыми стенами украинских острожков раздавался по ночам протяжный волчий вой: то выл Боняк, гадая о битве, а на заре пылал деревянный городок, облитый кровью своих жителей.

В промежутках между военными действиями русские и половцы заключали мирные договоры, которые иногда скреплялись браками членов княжеских и ханских семейств. Так, киевский князь Святополк Изяславич сам женился на дочери половецкого хана Тугоркана, а знаменитый Владимир Мономах женил своего сына Юрия Долгорукого на половецкой княжне и заключил с половцами девятнадцать миров. Много при этом ушло ради общего блага из мономаховой казны богатого платья, денег и скота.

Но такие миролюбивые меры мало помогали. Степняки попрежнему продолжали грабить и опустошать русские земли. Они уже не ограничивались нападением на пограничные острожки. В 1096 г. «шолудивый хищник» Боняк внезапно появился под Киевом, разорил его окрестности и сжег княжеский загородный дом в Берестове. В это время другой хан, Куря, грабил окрестности Переяславля. Их успех прельстил и тестя Святополка, хана Тугоркана, который тоже обрушился на Переяславль. Тем временем Боняк снова появился под Киевом; половцы едва не ворвались в самый город, сожгли окрестные селения, монастыри, в том числе и Печерский монастырь, рассадник нашего тогдашнего просвещения.

Но положение дел менялось, стоило только русским князьям хоть не надолго замириться между собой. В XII столетии русские начали ходить на половцев, в их собственные кочевья, и тогда уже степняки стали просить мира и покупать его у русских князей.

Душой борьбы с половцами был Владимир Мономах — крупная политическая фигура своего времени, деятель, хорошо известный не только на Руси, но и далеко за ее пределами. Мономах побуждал других князей к походам против половцев и измышлял искусные военные планы. В 1111 г. ему удалось соединить князей для похода, слава которого разнеслась до Константинополя, Праги и даже Рима. Тогда русская рать прошла з а Д о н, недалеко от его устьев; до такой глубины степей доходил прежде

только Святослав Игоревич, русский Александр (Македонский), по выражению Карамзина. Половцы понесли неслыханное поражение, потеряв одних лишь ханов 20 человек. На этот раз они были побеждены не в русских волостях, не на границах чужой страны, но в глубине своей территории.

Отсюда понятно то высокое одушевление, с каким описано это событие в наших летописях. Вся Русь твердила, что это подвиг Мономаха, который в памяти народной остался как главный и единственный герой донского похода. Долго держалось предание о том, как пил он Дон золотым своим шеломом (шлемом), как загнал окаянных врагов за Железные ворота[1]. Половцы, не раз испытавшие на себе силу оружия мономаховых дружин, прекратили на время свои нападения.

Следующий большой и успешный поход на степняков был предпринят много лет спустя, в 1184 г., под начальством киевского князя Святослава Всеволодовича. Однако решительных результатов эти походы все-таки не имели; окончательному успеху мешало нежелание большинства князей теснее объединиться для борьбы с общим врагом. Так, в 1184 г. князья Северские отказались участвовать в походе Святослава Всеволодовича; в следующем году они организовали самостоятельный поход во главе с Игорем Святославичем, но потерпели страшное поражение: князь Игорь, его брат и сын попали в плен.

Это горестное для всей Руси событие послужило сюжетом песни «Слово о полку (походе) Игореве», сложенной современником, близко знакомым со всеми частностями описываемого им похода, с современными условиями древнерусской жизни и со всеми представителями современной княжеской среды. «Слово» — единственное в своем роде отражение той пестрой и разнообразной действительности, среди которой жили наши предки в период, предшествовавший мрачной эпохе татарщины.

Изложение несчастного похода по общему тону, характеру и подробностям очень близко, почти тождественно, и в летописях и в «Слове». Одинаково отмечают они доблесть князей, их ревность добыть себе славу в борьбе с кочевниками, их мужество, по которому они не захотели покинуть в беде своих черных (т. е. простых) людей, не-

---

[1] Город Дербент на западном побережье Каспийского моря, благодаря своему местоположению преграждавший путь в Иран. Позднее он получил наименование «Врата Ирана».

обыкновенную удачу в начале и столь же необыкновенное бедствие в конце похода, наконец, удивительное спасение князя Игоря из плена.

Вместе с тем составитель «Слова», подобно летописям, в резких выражениях говорит о княжеских усобицах: «Тогда земля сеялась и росла усобицами, погибала жизнь Дажбогова внука, в княжих крамолах век человеческий сократился. Тогда по русской земле редко раздавались крики земледельцев, но часто каркали вòроны, деля между собою трупы, часто говорили свою речь галки, собираясь лететь на добычу». Описывая общее горе на Руси, когда услыхали здесь об истреблении игоревой рати, составитель «Слова» начинает говорить об усобицах: «Встонал Киев тучою, а Чернигов напастями; тоска разлилась по Русской земле, а князья сами на себя крамолу ковали, а поганые[1] наезжали на Русскую землю, брали дань по белке от двора».

В этом отношении замечательно также и сетование князя Святослава, в уста которого автор «Слова» влагает следующие высказывания: «Все зло мне происходит от княжего непособия; благоприятное время из-за него упущено... великий князь Всеволод[2], чтобы тебе перелететь сюда издалека, отцовского золотого стола (т. е. престола) поблюсти! Ведь ты можешь Волгу веслами раскропить, а Дон шлемами вычерпать; если бы ты был здесь, то была бы у нас половецкая раба по нагате, а раб по ре́зани»[3]. Старый Святослав оплакивает своих сыновей и, в горячем порыве обращаясь мысленно ко всем современным русским князьям, молит их «вступиться за обиду сего времени, за землю Русскую, за рать Игореву».

Ярославна, жена Игоря, сердцем чуя невзгоду, бродит одинокая по стенам города Путивля, смотрит в даль степную и горько сокрушается о своем супруге:

...Там она в Путивле, ранним-рано
На стене стоит и причитает:
«Ты ли, Днепр мой, Днепр ты мой Словутич!
По земле прошел ты половецкой,
Пробивал ты каменисты горы!
Ты ладьи лелеял Святослава,

---

[1] Т. е. язычники — от латинского paganus.

[2] Всеволод III, по прозванию Большое Гнездо, — сильнейший князь своего времени. Летописи называют его «Великим князем» и «Господином». Его правление (1176—1212 гг.) — время расцвета Владимиро-Суздальского княжества.

[3] Денежные знаки древней Руси.

До земли Кобяковой носил их.
Прилелей ко мне мою ты ладу,
Чтоб мне слез не слать к нему с тобою
По сырым зорям на сине море!»
Рано-рано уж она в Путивле
На стене стоит и причитает:
«Светлое, тресветлое ты, Солнце!
Ах, для всех красно, тепло ты, Солнце!
Что ж ты, Солнце, с неба устремило
Жаркий луч на лады храбрых воев?
Жаждой их томишь в безводном поле,
Сушишь, гнешь несмоченные луки,
Замыкаешь кожаные тулы (колчаны)...»

Этот «плач Ярославны», приводимый здесь в переложении поэта Майкова, выражал собой общую скорбь русских женщин о мужьях, сыновьях, братьях и возлюбленных, павших в ту эпоху в борьбе с кочевниками за родную землю, которую так жестоко раздирали княжеские усобицы.

Народ боялся этих усобиц больше всего потому, что ими пользовались в своих интересах степняки, сперва печенеги, потом половцы; народ понимал, что и для самих князей этот страх служил также главным побуждением к миру между собой. Вот почему в народе сохранилась теплая память о Владимире I, Ярославе Мудром и Владимире Мономахе, о князьях устроителях Русской земли и стойких оберегателях ее пределов.

Южная Русь как общеевропейская Украина (т. е. окраина) должна была, подобно греческим причерноморским колониям древности, всегда стоять на страже вооруженной. Не только для себя, но и для других европейских государств постоянно несла эта Русь сторожевую службу. Поэтому население Киевского государства, помимо внутреннего управления и охраны торговых путей, всегда вменяло своим князьям как главную их обязанность оборону русских городов и границ от набегов кочевников. Известно, что киевляне открыто упрекали Святослава Игоревича за то, что он проводит время за морем в далеких завоевательных походах и недостаточно оберегает границы Русского государства. Свои симпатии народ отдавал таким князьям, как Владимир Мономах, проведший всю свою жизнь в непрерывных походах, целью которых была именно оборона Русской земли.

«Всех походов больших,— говорит сам Мономах в своем «Поучении»,— было 83, а остальных меньших не припомню. Миров я заключил с половецкими князьями без одного 20

и при отце и без отца». О должном поведении князя на войне он говорит сыновьям так: «Выйдя на войну, не ленитесь, не полагайтесь на воевод, не предавайтесь ни еде, ни питью, ни спанью; и сторожей сами наряжайте и ночью, всюду кругом нарядив воинов, тоже ложитесь, а вставайте рано. Оружия сразу с себя не снимайте: по небрежности внезапно человек погибает...»

В соответствии с этим лучшие князья того времени осуществляли свою военную деятельность главным образом в направлении обороны страны, ибо с княжения Владимира Святославича война со степняками шла, по выражению летописи, «без перестани».

Поначалу оборона государства выражалась преимущественно в том, что русская рать или отдельные воинские отряды вступали в столкновение с кочевниками, уже подошедшими к границам Русской земли или даже вторгшимися в ее пределы. Но этот способ не был достаточно эффективным, потому что степняки, при их необычайной, по сравнению с русскими, подвижности, появлялись слишком неожиданно. Кроме того, сегодня отраженные в одном месте, они через несколько дней легко могли появиться (и появлялись) за сотню верст в другом, не защищенном пункте границы. В связи с этим и была постепенно создана та оборонная линия из острожков, о которой уже говорилось выше. Летописи полны рассказами о том, как отчаянно защищались эти острожки, терпя всякие лишения в осаде, лишь бы не достаться в полон иноплеменным. В дальнейшем, в моменты недолгого замирения князей, русские, как мы видели, осуществляли свою самооборону против степняков путем походов в глубь Половецкого поля.

В случае крайней опасности почти все мужское население по возможности бралось за оружие. Но главным образом оборона страны осуществлялась князем при помощи его дружины, предводителем которой он являлся и которую следует отличать от временных полков, или «воев», собираемых из остального народонаселения. Киевская дружина в X—XII вв. подразделялась на старейшую, лепшую (т. е. лучшую), или бояр и мужей, и на младшую, меньшую, из отроков и детских. Младшая часть дружины в свою очередь, повидимому, делилась на несколько разрядов (по крайней мере о детских достоверно известно, что они подразделялись на *старших* и *меньших*).

Основное содержание эпических песен, или былин, ко-

торыми так богата наша народная поэзия, составляет рассказ о подвигах русских богатырей-дружинников, которые группируются в народной памяти около личности Владимира Святославича как рыцари средневековых сказаний, около Карла Великого или короля Артура. В Киев, к «ласкову князю Владимиру», отовсюду съезжаются всякие удальцы и богатыри «силушкой померяться», на людей посмотреть и себя показать. Здесь все они образуют около Владимира нечто цельное — входят в состав его дружины и, вступая, по его приказанию или просьбе, в борьбу с иноплеменниками, грудью отстаивают от них землю русскую. Важнейшими из этих богатырей, наиболее близкими к Владимиру, изображаются в былинах: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович и Поток Михайло Иванович.

Любимый народный герой — богатырь Илья Муромец. В былинах он рисуется прямодушным и неподкупно честным в своих отношениях и к князю и ко всем богатырям, своим товарищам. Былины часто противопоставляют Муромца Владимиру и его дружине. Как истый «крестьянский сын» Илья несколько грубоват в своих приемах и речах, непрочь пошуметь, но вместе с тем спокоен и справедлив даже и в порыве гнева. Илья сильнее всех богатырей киевских и отличен при этом некоторыми особенностями. Так, он получает силу от трех вещих старцев, которые предсказывают ему, что «смерть ему на бою не писана»; благодаря этому Илья может уверенно вступать в бой с любым противником. И Муромец свято хранит завет старцев: всю свою долгую жизнь не щадит он ни поту, ни крови в борьбе с врагами родной земли.

Вот как повествуют былины о подвигах Ильи Муромца. Илья идет в послах от князя Владимира к хану кочевой орды и заводит с ним ссору; хан велит связать ему руки белые, плюет ему в ясные очи:

И тут Илье за беду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюет Калин в ясны очи;
Вскочил в полдерева стоячего,
Изорвал чембуры на могучих плечах,—
Не допустят Илью до добра коня
И до его-то до палицы тяжкие,
До медны литы в три тысячи.
Схватил Илья татарина[1] за ноги,

[1] Былины, сложенные очень давно, дошли до нас не в своей первоначальной редакции; многое в них изменилось или применилось к усло-

Который ездил во Киев град,
И зачал татарином помахивати:
Куда ни махнет, — тут и улицы лежат,
Куда отвернет — с переулками,
А сам татарину приговаривает:
«А и крепок татарин, не ломится,
А и жиловат, собака, не изорвется».
И только Илья слово вымолвил,
Оторвется глава его татарская,
Угодила та голова по силе вдоль,
И бьет их, ломит, в конец губит.
Достальные татары на побег пошли,
В болотах, в реках притонули все,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья ко Калину царю,
Схватил он Калина за белы руки,
Сам Калину приговаривает:
«Вас-то, царей, не бьют, не казнят».
Сотнет его корчагою,
Вздымал выше буйны головы своей,
Ударил его о горюч камень,
Расшиб его в крошечки...

Так, по народному сказанью, «Илья Муромец освободил Киев от Калина царя».

Былины, дошедшие до нас в более поздних редакциях, несомненно отражают борьбу русского народа со степняками (половцами и татарами) и касаются эпизодов этой борьбы, относящихся к XII — XIII вв., хотя народная память приурочивает былинное повествование к периоду расцвета древней Руси — к Киевскому государству.

Со своей стороны, летописи сохранили для нас имена некоторых богатырей Владимира, ведших славную борьбу с печенегами: Рагдая Удалого, выступавшего против 300 воинов (его смерть показана под 1000 годом); Яна Усмовича, или Усмошвеца[1], который убил печенежского богатыря, а потом снова упоминается под 1004 годом, как победитель печенегов; Андриха Добрянкова, умершего в 1004 г.; Александра Поповича, разбившего печенегов, приведенных на Русь каким-то изменником Володарем; этот же Попович упоминается в 1001 и 1004 гг., как соратник Усмошвеца.

Эти и другие дружинные богатыри, имена которых не дошли до нас, из года в год несли тяжелую сторожевую

виям жизни последующих веков. Этим и объясняются анахронизмы, встречающиеся в былинах, вроде того, что кочевники времени Владимира Святославича, т. е. печенеги, отожествляются с татарами, пришедшими на Русь несколько веков спустя.

[1] Усмошвец — кожевник (от усмие — кожа и глагола шить).

службу на границах степи, то направляя в ее глубь свои смелые наезды, то отбивая внезапные налеты кочевых отрядов, у которых они отнимали полон и награбленное имущество. За много, много верст перед линией оборонных укреплений Киевской земли стояли в степи для предотвращения внезапного набега «богатырские заставы», зорко следившие за появлением степняков.

Такая «застава» красочно изображена на известной картине В. Васнецова «Богатыри»: три богатыря на конях стоят на страже Русской земли; в центре мощный Илья Муромец напряженно всматривается из-под руки в степную даль, по сторонам — Добрыня Никитич и Алеша Попович, готовые по первому знаку своего старшего товарища броситься в бой с врагом. От всей картины, проникнутой подлинным духом народной поэзии, веет спокойствием и полной уверенностью в несокрушимости народных сил.

Значение дружинников как советников и думцев княжеских постепенно исчезло из народной памяти; значение же их как защитников и борцов за Русь впоследствии еще более усилилось в народном сознании благодаря тяжкой эпохе татаро-монгольского ига.

Несмотря на весь героизм русского народа, несмотря на самоотверженные подвиги его богатырей, Киевское государство так и не могло справиться с половцами. Этому мешали все усиливающиеся междоусобные войны феодалов и дальнейшее дробление страны на все более мелкие княжества [1], что грозило самому существованию независимой Руси.

Временем высшего расцвета Киевского государства, создавшего благоприятные условия для развития различных сторон общественно-политической жизни страны и сделавшего страну не только обороноспособной, но и грозной для врагов, было княжение Владимира Святославича (978—1015 гг.). При его сыне Ярославе начинается уже закат Киевской Руси, а по смерти Ярослава (1054 г.) отчетливо видны первые признаки ее распада. Основной причиной этого явились, как уже упоминалось, непрерывно растущая феодальная раздробленность страны, непрерывное разорение земель от бесконечных феодальных войн, отнимавших силы для борьбы с внешними врагами и тормозивших развитие сельского хозяйства, ремесла и торговли.

---

[1] Например Черниговское княжество распалось на Новгород-Северское, Черниговское, Путивльское, Курское, Рыльское и Трубчевское.

Неизбежному упадку Киевской Руси способствовали также и события международного характера, нанесшие тяжелый удар экономическому положению Киева. В результате начавшихся с конца XI столетия крестовых походов торговые пути из Западной Европы в Византию и Малую Азию изменили свое направление: теперь они пошли на Геную, Венецию и южные порты Франции и дальше через Средиземное море. Дорога по Днепру, устье которого попрежнему продолжали «засорять» кочевники, утратила свое значение, и это ярче всего сказалось на торговле стольного города, оказавшегося как бы в тупике.

С XI столетия население Киевской земли и ее князья начинают заметно тянуться на северо-восток, в междуречье Оки — верхней Волги, во Владимиро-Суздальскую землю,— туда, где впоследствии образовался центр национального объединения. Развитие Суздальщины шло параллельно упадку Южной Руси.

Монголо-татарское нашествие, обрушившееся на Восточную Европу в первой половине XIII столетия, разгромившее всю Русь и поглотившее соседственных с нею кочевников, только нанесло последний удар уже хиревшему Киеву. Результаты трехвековой борьбы и цивилизаторских достижений исчезли в столбах пыли, поднятой копытами коней номадов, не знавших ни годов, ни месяцев и считавших время «по травам». В некогда великолепном Киеве сохранилось едва ли двести домов, улицы были завалены обломками зданий и трупами, и далеко по Днепру выли голодные псы и каркали вороны.

Францисканский монах, Плано Карпини, отправленный в 1245 г. папою Евгением IV к Великому Хану и проехавший всю южную Россию, между Днепром, Доном, Волгой и Яиком, писал, что страна эта имела такой вид, как если бы она подверглась одновременно неприятельскому нашествию, моровой язве, голоду, землетрясению и лютым пожарам. Держава Рюриковичей лежала в развалинах. Наступила татарщина.

II

Стольным городом Суздальщины с течением времени стал Владимир на Клязьме, основанный в 1108 г. Владимиром Мономахом [1]. После окончательного переселения на север внука Мономаха, Андрея Юрьевича Боголюб-

[1] Точнее, он обвел валом поселение, имевшее в окружности около 2 *км*, внутри которого помещалась торговая площадь.

ского, избегавшего старых центров Ростово-Суздальской земли (Ростов Великий, Суздаль, Переяславль-Залесский) и обратившего особенное внимание на новый Владимир, этот город стал быстро разрастаться и приобретать значение важного пункта. В 1158 г. князь Андрей значительно расширил пределы Владимира и обнес его стенами, в которых были построены Золотые и Серебряные ворота. Тогда же заложен и знаменитый Успенский собор, так прославленный летописями.

В княжение Всеволода III, по прозванию Большое Гнездо (1176—1212 гг.), Владимир был украшен целым рядом замечательных построек, а холм, на котором находились соборы и княжеский двор, окружен каменными стенами детинца. В это время Владимир окончательно возвысился до положения стольного города.

Владимиро-Суздальское княжество, будучи вполне независимым от своих соседей, вместе с тем, благодаря выгодному географическому положению, держало в своих руках важнейшие торговые пути и волоки северо-восточной Руси. Этим оно оказывало большое влияние на Смоленскую и Новгородскую области и даже на Киев, ибо становилось единственным посредником в их торговле с Востоком. К этому следует прибавить, что со стороны степи и нападения ее кочевников Владимиро-Суздальская земля являлась в значительной мере обеспеченной.

В новых городах Суздальщины в связи с ростом ремесла и торговли быстро оформился протест купечества и городских низов против боярской эксплоатации. Вокруг Владимира сосредоточился зависевший всецело от князя мелкий служилый люд, враждебно настроенный к боярской знати и все свои надежды возлагавший на князя. Еще Андрей Боголюбский, опираясь на сочувствие и помощь младших дружинников и горожан, стремился сосредоточить всю власть в своих руках, за что и заслужил прозвище «самовластца» [1]. Успехи княжеской власти, особенно заметные при Всеволоде III, объясняются ростом сил мелкого служилого люда, поддерживавшего княжескую власть в борьбе с крупным боярством. Наметившийся союз княжеской власти с элементами, враждебными крупноземельной аристократии, вел к установлению единодержавия, которое должно было положить конец феодальной раздробленности Руси. Однако не на долю владимиро-

[1] Сильное местное боярство, поняв грозившую ему опасность, составило заговор против Андрея Боголюбского, который был убит в 1174 г.

суздальских князей и их стольного города, начавшего быстро глохнуть после Батыева нашествия (1237—1240 гг.), выпала эта великая миссия. Ее осуществил другой город Владимиро-Суздальского княжества — Москва, в дальнейшем взявшая на себя вообще оборону всей Русской земли.

Оставляя в стороне разного рода баснословия о так называемом «зачале Москвы», можно определенно сказать, что Москва возникла в качестве укрепленного поселка или острога[1] на лесистом, впоследствии прозванном Боровицким, холме при слиянии Москвы-реки и Неглинной в первой половине XI столетия, т. е. в то время, когда славянская колонизация с запада и юго-запада двинулась в междуречье Оки и Волги. Спустя лет сто, в 1147 г., мы имеем о Москве уже летописное известие, как о сравнительно большом княжеском селе. Первое упоминание о Москве, как о городе, относится к 1156 г., когда, согласно летописи, суздальский князь Юрий Долгорукий, сын Мономаха, «заложил город» на месте этого поселка. Слова летописи о заложении города надо понимать в смысле сооружения деревянных и земляных укреплений, превративших княжеское село в «город», в древнем значении этого слова, т. е. в крепостцу.

Старорусское деревянное, в частности крепостное, строительство, будучи очень устойчивым в смысле своих форм и методов, во всем основном оставалось одинаковым в течение многих и многих столетий. Крестьянский двор в центральной России чуть ли не до наших дней в общем ставился почти так же, как за 500 и больше лет до этого. В связи с этим на основании археологических разысканий, а также официальных описаний XVII в., особенно в «засечных книгах», нетрудно составить себе достаточно точное представление о том, чем была первоначальная Москва, игравшая роль сторожевой крепостцы Владимиро-Суздальского княжества на западных его пределах[2].

[1] По обычному толкованию, это название передавало понятие о тыне (ограде), сооруженном из вкопанных вертикально в землю бревен с заостренным верхним концом. Но есть и другое толкование, возможно, более правильное. В старое время на Руси поселения обычно устраивали в таких местах, где слияние двух рек или соединение двух глубоких оврагов образовывало крутой мыс—о с т р ы й р о г (в сокращении—острог). С течением времени понятие места, т. е. острог, было перенесено на то, что на нем устраивалось, городилось, огораживалось, и, таким образом, возникло понятие острога в смысле укрепления. Позднее под острогом стали понимать тюрьму.

[2] К северу территория этого княжества доходила до Белоозера, к западу — до Смоленской земли, к югу — почти до среднего течения Оки, к востоку — до Волги.

Это интересно, между прочим, потому, что впоследствии сама Москва, создавая оборонную линию на своих границах, ставила там подобные же острожки.

Размеры древнейшей Москвы были самые незначительные. Москва XII столетия едва ли занимала больше одной десятой нынешнего Кремля. Укрепления Москвы-крепостцы состояли из рва, насыпи и стен с башнями. Ров — важное препятствие для нападающих,— имея в глубину несколько метров, по краям был укреплен надолбами, а на дне частиком, или честиком, т. е. небольшими кольями, расположенными в шахматном порядке. Между рвом и валом шла берма — ровное пространство, нужное для того, чтобы ров не засыпался оползнями с вала. За бермой возвышался вал, на котором ставились деревянные стены, в виде срубов. Эти срубы в местах соединения скоро подгнивали, и тогда их заменяли тарасами — длинными бревенчатыми ящиками, внутренность которых для прочности набивалась камнями и землей. Стены вместе с забором[1] были покрыты сверху односкатной или двускатной крышей, а снаружи для большей огнестойкости обмазаны глиной. Башни были необходимой принадлежностью стен: если неприятель овладевал стеною или делал в ней пролом, он оставался под действием выстрелов из луков и метательных орудий с башен, которые надо было брать тогда каждую отдельно, как самостоятельную крепость. В силу этого, осаждающие стремились как можно скорее поджечь или разрушить башни — главную силу в обороне городка.

Таков был общий тип оборонного городка северо-восточной Руси. Когда такой городок строили наспех или в местности не слишком опасной в смысле внезапности вражеского нападения, довольствовались, по крайней мере на первое время, рвом и валом, на котором ставили плотный тын.

Значение первоначальной Москвы в качестве оборонного пункта четко определилось еще в первой половине XIII в. при нашествии Батыя. Абдул-гази-Багадур, восточный историк, сообщает в своей хронике «Родословие тюркского племени», что при нашествии Батыя жители Москвы три месяца упорно сопротивлялись татарам. Срок сопротивления, указываемый этим историком, несомненно, является крайне преувеличенным; но вместе с тем,

[1] Надстройка на стенах в виде забора для защиты воинов.

он бесспорно свидетельствует о том, что в страшный 1238 год Москва-крепость, действительно, была в состоянии оказать упорное сопротивление полчищам Батыя и задержать их стремительное продвижение к северу. К тому же, татарам так и не удалось взять Москву просто штурмом. Москва пала лишь после того, как были истреблены пожаром ее деревянные укрепления.

В качестве сторожевой крепостцы и большой усадьбы военного феодала, расположенной в местности, укрепленной самой природой, Москва просуществовала до последних десятилетий XIII столетия. Превратившись с 1272 г. в постоянную резиденцию князей[1], Москва княжеская первое время еще сохраняла свой характер оборонного городка в глухой лесной стороне. Территория Московского княжества занимала тогда лишь среднее течение Москвы-реки с ее притоками, а сам «стольный город» княжества поначалу был и единственным его городом. Но проходит всего лишь полстолетия, и Москва — уже крупный торговый и промысловый город — становится резиденцией великого князя всей северо-восточной Руси.

Причины, обусловившие столь быстрое возвышение Москвы, в основном сводятся к следующему. Сравнительная безопасность Московского, залесского края от татарских набегов передвинула в него значительное количество населения из приволжской Владимиро-Суздальской земли, что способствовало быстрому подъему его производительных сил. Этому способствовало также и выгодное географическое положение Москвы, расположенной в центре междуречья, образуемого течением Волги, Оки и верховьев Днепра с их притоками, благодаря чему Москва в торговом отношении связывала север с югом и запад с востоком. Скрещение торговых путей дало возможность княжеской Москве установить в своей области целый ряд мытных, т. е. таможенных, дворов, взимавших пошлины с речных и сухопутных торговых караванов[2].

Все это вместе взятое имело очень большое значение

---

[1] Первым московским князем очень недолго был Михаил Хоробрит, погибший в 1248 г. в битве с литовцами.

[2] Об этих таможенных дворах до сих пор напоминают некоторые топографические названия. Так, в самой Москве существует Мытный переулок у Москворецкого моста, а в Замоскворечье — Мытная улица; под Москвой — село Большие Мытищи, под городом Рузой, на реке Озерни,— селение Мытники.

для экономического развития и политического значения Москвы в период феодальной раздробленности Руси.

Интересы обороны на востоке Европы против нашествия монголов, турок и других народностей требовали, по замечанию товарища Сталина, образования централизованного государства, и вот на Руси эту задачу взяла на себя и блестяще выполнила Москва, крепнувшая с каждым десятилетием. Московские князья, умевшие ладить с всемогущими тогда золотоордынскими ханами, становятся со времени Ивана Калиты (1324—1341 гг.) представителями образующейся великорусской народности. Калита собирал силы для грядущего боя с татарами, который выпал на долю его внука, Дмитрия Донского.

Оставаясь поначалу типичным феодальным княжеством, Москва никогда не забывала основной цели своих стремлений: в долгой борьбе с Литвой, Ливонским орденом (прибалтийские немцы), шведами и Ордой она упорно собирала русские земли, «мечом и рублем» постепенно ликвидируя в то же время многочисленные удельные княжества. Уже при Дмитрии Донском, победителе татар на Куликовском поле (1380 г.), такие крупные княжества, как Тверское и Рязанское, а равно вольные города-республики Новгород и Псков, не потеряв окончательно своей самостоятельности, фактически оказались уже на положении подчиненных Москве. Что касается удельных княжеств, то все они формально подчинились власти Москвы и превратились в «подручников» московского великого князя. Благодаря этому с каждым годом расширялись и крепли экономические связи между русскими землями: новгородцы торговали в Москве, москвичи — в Пскове, рязанцы — в Твери и т. д. Такое разрушение экономической разобщенности отдельных частей Руси подготовляло ее слияние в единый политический организм. В последние десятилетия XV столетия — время правления Ивана III (1462—1505 гг.), ознаменованное, между прочим, такими событиями, как женитьба московского князя на греческой принцессе Софье Палеолог, наследнице византийских императоров, ликвидация независимости Новгорода Великого (1478 г.) и свержение власти золотоордынских ханов (1480 г.),— происходит образование централизованного Русского национального государства. Московское

княжество превращается, по старорусской официальной терминологии, в Московское государство[1].

С этого момента окончательно падают те территориальные преграды, которые так долго прикрывали Москву от внешних врагов. Теперь она становится с ними лицом к лицу. Только с дальнего севера, с приполярных стран, где шумели волны Белого моря и простиралась беспредельная непроходимая тундра, Москва могла не ожидать вражьего нападения. На западе еще при Александре Невском Русь, в лице Новгорода, отбивалась от ливонских рыцарей; тогда же начали наступать на Русь и шведы, потерпевшие жестокое поражение в устьях Невы (1240 г.) от того же князя Александра. На юго-западе Польско-Литовское государство издавна занимало враждебную позицию в отношении Москвы. И все они, опасаясь усиления Москвы, всяческими способами мешали ее прямым сношениям с Западом, где можно было приобретать необходимые Руси заморские товары, выгодно сбывать свои, познакомиться с достижениями тогдашней техники.

Отношения к Польско-Литовскому государству осложнялись еще тем, что Польша и Литва за время феодального раздробления Руси захватили, после нашествия татар, многие коренные русские области. В польско-литовских руках находился даже сам Киев, «матерь городов русских». В связи с этим московский государь, объявивший всю Русскую землю своей наследственной вотчиной, так и не заключал постоянного мира с Польско-Литовским государством, а только перемирия, лишь бы «дать людям поотдохнуть да взятые города за собой укрепить».

Таково было положение на западной границе, где все-таки обстоятельства позволяли пользоваться хотя бы краткими передышками. Иначе обстояло дело на востоке и юге. Здесь постоянно, во всякое время года, можно было ожидать вражеских набегов. С востока грозили казанские татары, подвластные им народности Поволжья и сибирские татары, с юга — ногайцы и крымцы.

Золотая Орда, распавшаяся к концу XV в., в начале XVI столетия окончательно разрушилась. Из ее развалин возникли татарские царства Казанское, Астраханское, Сибирское, ханство Крымское и орды ногайских татар, кочевавших за Волгой и в степях между Кубанью и Днеп-

[1] Это Московское государство в дальнейшем состояло, по официальному своему титулу, из царств Казанского, Астраханского, Сибирского, целого ряда княжеств, областей и земель.

ром. Во второй половине XVI столетия, в период образования Русского многонационального государства, Москва покончила с Казанью и Астраханью, а с конца века перешла в наступление за Уралом на сибирских татар и другие кочевые народы. Но справиться с крымцами ей так и не удалось. Крым, огражденный от Москвы обширными, пустынными степями, отрезанный от материка Перекопом, широким и глубоким рвом с укрепленным валом, был недоступен для Москвы с суши. В то же время море соединяло Крымский полуостров с могущественной Турцией, в зависимости от которой находилось Крымское ханство.

Южной границей Московского государства первоначально было течение рек Угры и средней Оки, за которой на юг, по слову летописца, «поле бе», т. е. простиралась до Черного и Каспийского морей неоглядная, пустынная степь без городов и сел, без пашен и иных хозяйственных заимок, лишь с временными «станами» и «юртами» охотников и звероловов.

Вот как описывает эти степные просторы итальянский путешественник Амвросий Контарини, приехавший в 1476 г. в Москву из Астрахани:

«Перед нами расстилалась пространная степь, на которой не было даже и малейших следов дороги. Татары уверяли, что Тана (Азов) находится прямо на юг от нас, не далее как в расстоянии 15 дней пути, тогда как, по моему расчету, нам уже давно надлежало миновать ее. В продолжение всего нашего странствования мы останавливались только в полдень и перед наступлением ночи и спали в открытом поле, под покровом небесным, ограждаясь на ночь повозками, в виде крепости. Сверх того, для предосторожности, находились у нас постоянно на страже три часовых: один на правой стороне, другой на левой, а третий позади стана. Нередко оставались мы целые сутки без воды, не имея даже чем напоить наших коней. Диких зверей ни разу нам не попадалось; только однажды встретили мы на степи двух верблюдов и до четырехсот лошадей, оставшихся от прошлогоднего каравана[1]. Два раза мы ожидали нападения и уже приготовились к обороне; но в первый раз — страх наш был совершенно напрасен, а в другой — поводом к оному послужило появление двадцати повозок и нескольких татар, от которых мы никак не могли добиться, куда они едут. По причине

[1] Из Астрахани ежегодно пригоняли летом в Москву табуны лошадей на продажу.

продолжительного пути и скудости запасов, вынужден я был уменьшить дневную порцию нашу. 12 сентября 1476 года вступили мы, наконец, с благословением божиим, в землю Русскую, и первый предмет, представившийся нашим взорам при въезде в оную, была небольшая деревушка, окруженная лесом. Жители этой деревушки, услышав, что Марк[1] находится в караване, вышли к нему навстречу в большом страхе, опасаясь бывших с нами татар, и принесли несколько сотового меду, которым он поделился со мною. Это пособие пришло весьма кстати, ибо все мы до такой степени отощали от продолжительного пути, что едва могли держаться на лошадях».

В этом наиболее раннем описании южных степей, постаромосковски именовавшихся **полем** или **диким полем**, ясно чувствуется опасение путешественников, как бы не напали на них кочевники. Такое опасение было вполне естественно, потому что крымская орда, иногда в соединении с казанскими и ногайскими татарами, в своих набегах не раз доходила даже до самой Москвы, сжигала ее предместья, жестоко грабила ее окрестности. Отдельные же отряды крымских наездников постоянно опустошали пограничные со степью местности Московского государства, ибо это был главный промысел крымцев и других степняков.

Тучей неслось татарское скопище на беззащитные поселения, появляясь, как тогда говорили, «изгоном». Все оружие татарского всадника состояло из лука с большим запасом стрел, копья и сабли; на поясе висели нож, огниво, шило да несколько ременных веревок для связывания пленных, ибо ни один татарский набег не обходился без того, чтобы русские люди в более или менее значительном количестве не попадали в полон. С детства привыкшие ко всем условиям степной, кочевой жизни, татары прекрасно знали степь и были чрезвычайно выносливы.

Вместе с тем они были крайне неприхотливы в пище и питье. В походе они питались небольшим запасом сушеного мяса и проса. Когда такой запас кончался, татары убивали изнуренного коня или питались травами. Иногда в продолжение нескольких дней ничего не ели, не теряя при этом боеспособности. Если голод и жажда станови-

---

[1] Московский посол, вместе с которым возвращался Контарини из Ирана, куда он был послан правительством Венеции для заключения с шахом союза против Турции.

лись слишком уж нестерпимы, они вскрывали жилы у своих лошадей и пили их кровь, считая, что это полезно и для лошадей. Чистую воду татары пили в походе только тогда, когда находили ее, что впрочем случалось не часто, зимою же употребляли только одну снеговую.

Такие особенности татар объясняют нам способность татарской армии быстро и спокойно проходить через степи: там, где армия цивилизованного государства должна была бы везти за собой громадный обоз, съестные припасы и даже воду[1], татары шли налегке.

Приблизившись к нашим пределам, степняки за несколько километров останавливались в каком-нибудь скрытном месте, где отдыхали дня два-три. Затем, разделившись на три части, врывались в самую страну и с головокружительной быстротой мчались километров сто, ничего не опустошая в это время для того, чтобы иметь про запас на обратный путь. Достигнув заранее намеченного места, татары разбивались на несколько небольших отрядов (человек по 500 в каждом), которые рассыпались повсюду, окружали селения со всех сторон и, чтобы жители их не ускользали, раскладывали по ночам большие костры. Потом они грабили, жгли, резали сопротивлявшихся, забирали в плен не только взрослых, но и подростков обоего пола, и женщин с грудными младенцами, и всех домашних животных, исключая свиней. Отойдя затем в степь, татары останавливались в безопасном месте, где и делили между собой захваченную добычу и пленных.

Таковы были зимние набеги степняков. Летние происходили несколько иначе. Многочисленное войско в это время года легко могло быть открыто, и потому в поход собиралось от десяти до двенадцати тысяч, которые, километров за 40—50 от русской границы, разделялись на 10—12 отрядов; каждый из этих отрядов был удален один от другого на 2—3 *км*. В таком порядке татары проходили степь. Делалось это для того, чтобы замаскировать свои действительные силы от сторожевых пикетов. Последние, встретившись с одним из татарских «загонов», сообщали, что татар явилось немного — примерно около тысячи. А тем временем татарские отряды в недалеком уже расстоянии от границы снова сходились и соединенными силами обрушивались на ту или иную местность. При этом татары выбирали себе прямую дорогу между двумя боль-

---

[1] Так принуждены были совершать свои походы на Крым князь Голицын в конце XVII в. и Миних в 30-х годах XVIII века.

шими реками, по верховьям впадающих в них речек. Грабили и опустошали так же, как и зимою, но только не вторгались уж слишком далеко в глубь страны, что не мешало все-таки им захватывать массу пленных.

Насколько вообще велик бывал русский полон, видно хотя бы из того, что в Казани, незадолго до ее завоевания в 1552 г. Иваном IV, насчитывалось не менее 50 тыс. русских пленных.

Крымцы отводили свой полон в Кафу (ныне Феодосия), главный невольничий рынок Крыма, хотя правильно организованная торговля «живым товаром» производилась на всех майданах (площадях) полуострова. Из Крыма пленных продавали в Константинополь, с 1453 г. ставший турецким городом, в Малую Азию, Египет, Венецию. В Италии особенно ценились няньки и кормилицы славянки. Красивые девушки продавались по очень дорогой цене, а потом иногда тут же перепродавались с большим барышом. В самом Крыму не было другой прислуги, кроме пленных. Рассказывали, что один меняла, сидевший у единственных ворот Перекопа, при виде бесчисленного множества пленников из Московии и Польши[1] спрашивал, остались ли еще люди в этих странах или их уже всех вывели оттуда.

Русские вследствие своего уменья убегать из плена ценились на восточных рынках дешевле польских. По сообщению Михалона Литвина, историка XVI в., продавцы невольников, выводя свой товар на майдан целыми десятками, в оковах, громко кричали для привлечения покупателей, что это рабы «простые, нехитрые», только что приведенные «из народа доброго, польского, а не из лукавого русского народа».

Таким образом, Московское государство находилось, относительно своей южной и юго-восточной границы в таком же положении, как некогда древняя приднепровская Русь: оно тоже граничило со степью, из которой на его «поток и разграбление» постоянно устремлялись кочевые хищники. В силу этого нужды государственной обороны настоятельно требовали, чтобы степная граница государ-

---

[1] Московское и Польско-Литовское государства находились в одинаковом положении относительно татар; и то и другое принуждены были организовать на своих южных и юго-восточных границах защиту против татарских орд. В связи с этим по всему протяжению степной границы Речи Посполитой (Польши) возникли укрепленные замки: Каменец, Бар, Винница, Овруч и другие.

ства, где шла вечная война, была обеспечена от вражеских набегов.

Еще в начале XVI столетия окские города Серпухов и Коломна являлись пограничными крепостями, за крепкими стенами которых уже начиналась беспокойная сторона. Позднее за Оку была выдвинута сильная крепость Тула. Она, вместе с очень укрепленной Рязанью на востоке и Калугою на западе, образовала тогда на юге основную оборонную линию Московского государства. Но вскоре линия эта оказалась недостаточной и вот почему. Хотя в конце XV в. Амвросий Контарини описывал степные пространства, которые ему пришлось проехать от Астрахани до Рязани, почти как какое-то «мертвое царство», в действительности это было далеко не так.

«Дикое поле» представляло собой прежде всего удобнейшие для пашни места; здесь не надо было, как на севере, выкорчевывать лес, чтобы поднять целину. Чем южнее, тем все лучше становился в степи первозданный чернозем; семя, брошенное хлебопашцем чуть ли не на поверхность земли, приносило там невиданный урожай. На основании данных, относящихся даже к более позднему времени (XVII в.), известно, каким рыбным богатством отличались степные реки, на которых водились также драгоценные бобры и выдры. В непролазных зарослях травы выше человеческого роста кишела разная дичь: тетерева, рябчики, дрофы и пр., скрывались дикие козы и кабаны. В нынешних Воронежской, Курской и Харьковской областях, местами лесистых, водились во множестве куницы, лисицы, медведи, волки, так что охота на них могла составить значительный промысел.

Все эти неисчерпаемые природные богатства из века в век лежали втуне. А между тем трудовое население Московского государства, особенно его центра, изнывая от малоземелья и разных тягот, стремилось сесть на «новые землицы» и быстро перешагнуло тульскую линию. Северный лес препятствовал быстрому движению колонизации, но зато защищал всякое новое селение от нападений. Где был лес, там легко было устроить какую угодно «твердь»; трудно было проникнуть туда степному наезднику. Ведь недаром же татары называли наши тогдашние леса великими крепостями Московского государства. Напротив, степь не препятствовала движению населения, но и не защищала его от вражеских нападений. Новые места, так манившие к себе переселенцев своим простором, выгодами

климата, богатствами почвы и рек, ставили вместе с тем новосельцев под непосредственный удар со стороны степи. В связи с этим в Москве систематически работали над планом освоения новых пространств поля, которое не было татарским, но и не могло еще быть названо русским.

Дороги в Московское государство хорошо были известны татарам, ежегодно совершавшим иногда по два-три набега на наши окраины. Препятствием для движения могли служить лишь реки и, только местами, леса; ни гор, ни ущелий, ни обширных болот здесь не было. Шли татары из Крыма на Москву так называемыми шляхами. Через всю нынешнюю Курскую и Харьковскую области проходит возвышенность, служащая водоразделом Днепровского и Донецкого бассейнов. Вот этот-то водораздел и являлся главной дорогой татар к границам Московского государства. Назывался он Муравским, или Царевым (потому что иногда по нему ходил сам хан), и тянулся от Крымской «перекопи» до Тулы между верховьями множества рек и речек двух бассейнов. От этого главного шляха отделялись еще два других — Изюмский и Калмиусский, которые шли несколько восточнее первого. Кроме этих трех дорог, существовало множество других, второстепенных (шляхи Бакаев, Залоконский, Сагайдачный и др.); все они подходили к московским границам наподобие как бы радиусов.

В соответствии с этим оборонная линия охватывала полукольцом южные пределы Московского государства так, чтобы перерезать эти шляхи вне границ населенных местностей. Сперва перекинули укрепленную границу с линии Тулы на реку Быструю Сосну, а затем стали ее двигать и еще южнее, пользуясь течением Оскола.

Постепенно возникли три линии пограничных укреплений. На юго-востоке ближайшая к Москве, как тогда говорили, «черта» шла от Нижнего-Новгорода (ныне Горький) по Оке до Серпухова, отсюда поворачивала на юг до Тулы и продолжалась до Козельска. Вторая, построенная при Грозном, шла с востока от Алатыря на Суре до Орла, откуда, отклоняясь сперва к югу, а потом поворачивая к юго-востоку, заканчивалась у Рыльска и Путивля. Третья линия, сооруженная при сыне Грозного Федоре Ивановиче, упираясь с запада на верховья Оки, а с востока на Быструю Сосну, проникала в глубь степей до устья Воронежа и верховья Донца. Здесь в конце XVI столетия был выстроен Белгород, выдвинутый далеко

в степь за линию других городов. Ломаная белгородская линия была вполне закончена только в XVII столетии. По всем этим линиям, помимо уже существовавших городов, ставились оборонные острожки вышеописанного типа. Впереди этих оборонных городков устраивались в лесистых местах засеки из поваленных деревьев, в степных — рвы с валами.

Идя на Москву, татары обыкновенно старались выбирать такой путь, чтобы не переходить рек, особенно глубоких и широких. Тем не менее им невозможно было избежать некоторых переправ, или, как тогда говорили, перелазов. Укрепление подобных перелазов надолбами, башнями, частиком и т. п. составляло предмет особой заботы правительства, число же их наглядно свидетельствует о том, как часты были татарские набеги и во скольких пунктах стремились они проникнуть через оборонную черту.

Степную границу Московского государства, помимо неподвижной стены городков, валов и засек, опоясывала подвижная людская цепь, так называемые сторо̀жи. Первые упоминания о сторо̀жах относятся к XIV в.; в XV в. русская стража была уже на Дону и реках Быстрой и Тихой Сосне; в первой половине XVI в. мы находим сторо̀жей на пространстве от Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля.

Окончательное устройство сторожевая служба получила во всем основном при Иване Грозном под руководством знаменитого воеводы князя Михаила Воротынского, которому в январе 1571 г. царь приказал «ведать станицы, сторо́жи и всякие свои государевы польские (т. е. степные) службы». В это время была в самом разгаре Ливонская война (1558—1581 гг.) за свободные прибалтийские гавани, все внимание было обращено на запад, и защита южной границы государства приобретала потому особо важное значение. Надлежало, чтобы степняки не могли появляться у Оки «безвестно», как это все-таки случилось в мае того же 1571 г., пока еще не была организована должным образом дозорная служба. Вследствие этого крымский хан Девлет Гирей имел возможность обрушиться тогда на Москву, которую он буквально испепелил всю, кроме Кремля и Китай-города. Зато, когда на следующий год Девлет Гирей во главе 120 тыс. татар крымских и ногайских снова пошел на Москву, князь Воротынский, во-

время осведомленный, наголову разбил его в 50 *км* от столицы.

Уставы, выработанные Воротынским и утвержденные Грозным, немного спустя были дополнены новым начальником над сторожевой и станичной службой Никитой Юрьевым. При Борисе Годунове (1598—1605 гг.) были сделаны новые улучшения в организации дозорно-оборонной службы.

Сторожами назывались постоянные разъезды ратных людей, выезжавшие из передовой линии острожков в разных направлениях дня на четыре и более пути от крайней крепостцы. Эти разъезды устанавливали в степи определенные пункты, по тогдашнему выражению «притоны», отстоявшие один от другого на день, на полдня пути. Разъезды были в постоянных сношениях друг с другом и, таким образом, составляли несколько неразрывных линий, пересекавших все степные дороги, по которым могли притти татары. Далеко углубляясь в степь, дозорщики внимательно следили за шляхами и, заметив какую-нибудь с а к м у, т. е. след, спешили дать знать в ближайший острожек о надвигающейся опасности.

По рассказу француза Маржерета, состоявшего в конце XVI—начале XVII столетия на московской службе, русские для того, чтобы во-время открыть в степи татарский наезд, пользовались, между прочим, следующим средством. При растущих одиноко в степи дубах, отстоящих один от другого на расстоянии 8—40 верст, ставилось по два ратника с готовыми конями; один сторожил на вершине дерева, другой кормил и смотрел за оседланными лошадьми; дозорщики сменялись через каждые четыре дня. Заметив в отдалении пыль, верхний дозорщик кричал об этом нижнему, который садился на всегда готового коня и мчался к другому дереву; дозорщик второго дерева, завидев скачущего, мчался к третьему дереву и т. д., пока весть о приближении степняков не доходила до ближайшей крепости, а потом и до самой Москвы. Случалось нередко, что вместо людей приближалось стадо диких животных или конский степной табун. Но когда появлялся и второй сторож, то это значило, что действительно приближался неприятель; тогда начинались приготовления к встрече врага. О количестве татар русские, по словам того же Маржерета, узнавали так: если татары шли по шляху, русские разведчики, со страшным риском попасть в руки неприятеля, крадучись, ехали за ними и рассматривали глу-

бину следа и вихри пыли; если же, что бывало не так часто, татары шли прямо степью, то здесь показателем служила ширина протоптанной ими дороги.

Согласно уставу, разъездам предписывалось ездить по таким местам, которые были бы «устрожливы, где б им воинских людей можно было усмотреть». Дозорщики на сторо́жах должны были стоять, с коней не ссаживаясь попеременно, и ездить по урочищам попеременно же «направо и налево, по два человека, по наказам, какие будут даны от воевод». Сторо́жам было запрещено устраивать станы; когда нужно будет кому пищу сварить, и тогда огонь в одном месте запрещалось раскладывать дважды: в котором месте кто полдневал, там он не должен был ночевать; в лесах надлежало не останавливаться; останавливаться можно было лишь в таких местах, где было бы «усторожливо», т. е. откуда легко можно было заметить неприятеля.

Воеводы и станичные головы (начальники отрядов) должны были «смотреть накрепко», чтобы у сторожей лошади были добрые и ездили бы сторожа̀ на дозор о двух конях, чтобы можно было, столкнувшись с неприятелем, ускакать от него. Если у кого из станичников и сторожѐй лошади оказывались худы, а предстояла скорая посылка, под тех сторожѐй предписывалось «доправить» лошадей на их головах. Начальные люди вообще отвечали за исправность оружия и коней своих подчиненных. Для надзора за исправностью сторо̀жей назначены были четыре «стоялые головы», разъезжавшие по всему пространству степи — от Волги до рек Вороны, Оскола и Донца.

Если воеводы или головы, послав кого-нибудь наблюдать за станичниками и сторожа̀ми, устанавливали, что дозорщики стоят небрежно и «неусторожливо» и до указанных урочищ не доезжают, то, хотя бы тогда и не ожидали неприятельского набега, все равно дозорщики подлежали тяжелому наказанию.

Сроки, в которые станицы (отряды) выезжали в поле, были точно предусмотрены уставом. Так, из Рыльска и Путивля первая станица выезжала 1 апреля, вторая — 15-го, третья — 1 мая и т. д.; восьмая станица выезжала 15 июля; за ней 1 августа снова трогалась первая, 15 августа—опять вторая и т. д. Последний выезд совершался глубокой осенью, 15 ноября. Но если в это время «снеги еще не укинут», т. е. снега не нападет, зима не станет и не оградит вьюгами, морозами и непролазными сугробами

русскую границу, надлежало посылать по две станицы в месяц, пропуская между ними «по две недели со днем».

Поздней осенью, в октябре и ноябре, выезжали из украинных городов станицы жечь степь. Зажигали ее не раньше того, как сильно подсохнет трава, но прежде, чем падет снег. Дожидались ветренной и сухой погоды, таких дней, когда ветер был от наших городков в польскую (степную) сторону. Запрещено было поджигать траву вблизи острожков, лесов, лесных засек и разных укреплений, устроенных на случай прихода врагов. Остроги, из которых должны были выезжать станицы для зажжения степи, были указаны уставом. После поджога травы возникал грандиозный степной пожар, охватывавший огромное пространство степи — от верховьев реки Вороны до Днепра и Десны. В огненном море погибало тогда все живое: и птицы, и звери, и притаившийся враг.

. По мере продвижения оборонной черты в степь, строились для более прочного ее освоения, помимо острожков, большие города-крепости. Дошедшее до нас современное описание строительства при Борисе Годунове города Царебορисова на реке Осколе при впадении его в Донец дает подробное представление о том, как ставились и чем были подобные города.

Согласно царскому указу, данному воеводе окольничему Богдану Бельскому и его помощнику Семену Алферьеву, эти лица должны были отправиться в заранее определенное место, предварительно осмотренное Федором Чулковым и Истомою Михневым. С Бельским было отправлено большое число служилых людей и достаточное количество военных и съестных запасов в виде разного оружия, пороха, свинца, ядер, муки, сухарей, круп и толокна. Ополчение должно было собраться в Ливнах; там, запасшись еще дополнительно военными и съестными припасами, Бельскому надлежало погрузить их на суда, посадить туда же пеших ратников под предводительством голов, а самому с конными людьми итти по обоим берегам за судами. Как судовая, так и сухопутная рать, должны были всячески оберегать себя от нападений татар и воровских людей (разбойников); остановки следовало делать только в «крепких», т. е. надежных, местах, ставить сторожей на ночь, посылать во все стороны разъезды.

Придя к цели своего путешествия, Бельский и Алферьев обязаны были заняться тщательным изучением выбранного места, а для ограждения себя от нападения поставить

маленький острожек, окружив его рвом. Затем, нарубив соснового и дубового лесу на постройку укреплений и заготовив на осень и зиму сена для лошадей, они должны были немедленно же приступить к постройке города по имевшемуся у них чертежу. Башни надлежало делать круглые или четырехугольные, смотря по тому, как будет удобнее; стены — в три ряда; внутри города надлежало выкопать, на случай осады, тайник к реке или колодезь, ров сделать с трех сторон, а во рву набить невысокий тын; с «приступной», т. е. незащищенной, стороны предписывалось насыпать крепкий вал и сделать башни, а около башен ров. Для хранения пороха следовало устроить крепкий дубовый погреб, для хлебных запасов—житницы, а для воинских принадлежностей—амбары. Устроив город, Бельский дожен был подробно отписать царю в Москву, какие возле города имеются естественные укрепления, леса, пашни и сенные покосы.

Окружность стены нового города равнялась 756 *м*, на стене возвышались, кроме трех проезжих (т. е. с воротами) башен, еще шесть глухих и 127 малых башенок. Высота стен достигала 8 *м*, земляной вал —4 *м*. Очень интересно было устройство этого вала: между столбами, связанными один с другим, была насыпана земля, покрытая плетнем, чтобы не осыпалась; поверх же плетня вал был одет еще дерном. По валу тоже возвышались башни, а около него, отступя метра на четыре, тянулся ров в 6 *м* глубины и 8 ширины. За валом находились слободы стрельцов, казаков, пушкарей. В семи километрах от города стояли надолбы, защищавшие подступы к городскому выгону и лугам. Гарнизон этой крепости достигал очень значительной по тем временам цифры: он состоял из 3 222 человек, причем пушкарей насчитывалось 60 человек. Но постоянного населения эта крепость не имела; военные отряды несли в ней службу посменно.

По замыслу Бориса Годунова, город, основанный им, должен был сделаться передовым и надежным оплотом нашей южной окраины от набегов крымцев и воровских людей. Строительство было поставлено на широкую ногу, благодаря чему Царев-борисов являлся большой и очень сильной крепостью, хотя при сооружении его, равно как и при строительстве других аналогичных ему больших крепостей, не было употреблено каменного материала.

Это станет понятным, если пояснить, что на Руси плотничное дело из простейшего мастерства превратилось по-

степенно в сложное строительное искусство, созидавшее колоссальные городовые стены с башнями (вроде «дубового Кремля», возведенного Иваном Калитой), огромные храмы, как церковь Успения о двадцати стенах в Устюге Великом, и большие дворцы, как Коломенский под Москвой, — верх старорусского деревянного зодчества,— справедливо почитавшийся у современников «осьмым чудом света».

Учитывая простоту инструмента, неприменение рубленниками (плотники) железных гвоздей и скреп, а также сырой иногда строительный материал, надо признать, что постройки возводились в старину необычайно умело и прочно, не говоря уже о том, что очень быстро.

Французский моряк Жан Соваж из Диеппа, осматривавший в 1586 г. новопостроенный острог в Архангельске, писал: «Он составляет замок, сооруженный из бревен, заостренных и перекрестных; постройка его из бревен превосходна, нет ни гвоздей, ни крючков; все так хорошо отделано, что нечего похулить, хотя у русских строителей все орудия состоят в одних топорах; но ни один архитектор не сделает лучше».

Гарнизоны острожков и городов-крепостей состояли из служилых людей — детей боярских, провинциальных стрельцов, пушкарей и городовых (оседлых) казаков, которых правительство «испомещало» землею под пашню и покос за их многотрудную, полную опасностей сторожевую службу.

Однако недостаточно было только построить острог и держать в нем служилых людей. В целях укрепления оборонной черты и освоения плодородных степных просторов надо было, чтобы «новую землицу» не только берег меч, но и обрабатывала соха постоянного населения. В связи с этим, еще во время устройства острога, строители собирали сведения, не живут ли уже поблизости свободные заемщики земель; если да, то таких добровольных первонасельников, именовавшихся «сходцами»[1], приглашали в острог и здесь от имени царя крепили за ними их владения и пашни. За это они обязаны были как землевладельцы служить по обороне нового города и рубежа. Если нехватало «сходцев», то «прибирали» на государеву службу в новом городе и на вечное житье в нем «гулящих» и охочих людей, нарезывая им под острогом земли «на

---

[1] Людей же переселяемых, сводимых на новые места правительством, называли «сведенцами».

пашню и усадища». «Приборные» служилые люди селились слободами кругом острога; слободы их обносились земляным валом и рвом, образуя своего рода форты, опоясывавшие главное укрепление. Таким образом, всякий нововозводимый острог уже заключал в себе зерно будущих поселков в виде пригородных слобод.

Несколько особое положение занимали тогда казаки, первые известия о которых относятся к XV в., когда казаки появились на рязанской украине, более других пограничных областей подвергавшейся в то время нападениям степных орд.

Гоголь, описывая состояние приднепровской Украины в XIV — XV столетии, говорит:

«Один татарский наезд разрушал весь труд земледельца: луга и нивы были вытаптываемы конями и выжигаемы, легкие жилища сносимы до основания, обитатели разгоняемы или угоняемы в плен вместе со скотом. Это была земля страха; и потому в ней мог образоваться народ воинственный, сильный своим соединением, — народ отчаянный, которого вся жизнь была бы повита и взлелеяна войною. И вот выходцы вольные и невольные, бездомные, т. е. которым нечего было терять, которым жизнь — копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти, которым везде грозила виселица,— расположились и выбрали самое опасное место в виду азиатских завоевателей, татар и турок. Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила целый народ, набросивший свой характер и, можно сказать, колорит на всю Украину, сделавший чудо — превративший мирные славянские поколения в воинственный, известный под именем казаков народ, составляющий одно из замечательных явлений европейской истории, которое, может быть, одно сдержало это опустошительное разлитие двух магометанских народов, грозивших поглотить Европу» («Взгляд на составление Малороссии»).

Наше северо-восточное казачество было родным братом юго-западного, днепровского, а потому характеристика возникновения и развития последнего, сделанная творцом «Тараса Бульбы», вполне применима и к казакам старомосковских окраин. Сюда из центра страны бежали холопы от своих жестоких господ, крестьяне, не умевшие рассчитаться с помещиком, но и не желавшие оставаться у него, сюда уходили все, кого судьба выбила из привычной колеи, в надежде обрести здесь, в девственном

краю, где каждая голова и каждая сильная рука были на счету, свою удачу и зажить по-новому. В этом беспокойном крае селились очень беспокойные люди, но они этот край заселяли, осваивали, защищали и тем самым крепкими нитями привязывали его к общерусскому отечеству.

Правительство, заботясь о заселении степного края, не преследовало этих вольных переселенцев, иногда преступников, которые «казаковали», промышляя чем придется и не щадя при этом ни своего соотечественника, ни татарина. Но, по мере того, как часть этой вольницы оседала, заводила заимку, начинала регулярно заниматься звероловством или рыбным промыслом, правительство приписывало ее к тому или иному городу. Вольные казаки превращались таким путем в городовых, в «приборных» служилых людей, обязанных сторожевой службой, к которой казаки действительно были особенно пригодны. Казаки, не желавшие подчиниться такой участи, уходили все дальше на юг, на низовья Дона, где с течением времени образовалась их своеобразная «республика», признававшая, до поры до времени больше на словах, власть над собой Москвы.

Оседлому русскому населению постоянно приходилось вести на степной черте борьбу двоякого рода — оборонительную и наступательную. Трудно было на первых порах новым поселенцам: в одно и то же время они должны были строить острожки, разные укрепления на «перелазах», жилища и в то же время заботиться о заведении пахотных земель и всяких угодий, которые им же надлежало и защищать. Поначалу все преимущества в этой борьбе были скорее на стороне кочевников, не имевших ни деревень, ни засеянных полей, ни мирных занятий, да к тому же бывших неуловимыми в необозримой степи. Но по мере того как возникали одна за другой защитные линии, перевес, хотя и очень медленно, но верно переходил на русскую сторону. Оборона постепенно оказывалась уже сильнее наступления. Действительно, например, Белгородская засечная черта, строившаяся в течение почти целого столетия (1587—1677 гг.), заключала в себе 25 городов, соединенных друг с другом земляным валом и целым рядом всевозможных укреплений. Центральным пунктом этой линии был Белгород, состоявший из двух острогов — деревянного и земляного. Окружность первого, имевшего 10 башен, равнялась 1 300 *м*, второго — 3 200 *м*. За их крепкими стенами стояла масса различных

построек: дворы воеводы, митрополита, попов, служилых людей, всевозможные казенные амбары, зелейный (пороховой) погреб, приказная изба, судная изба, торговые ряды с лавками, караульные сараи, собор, церкви, два монастыря и пр. Всего в Белгороде было 629 дворов и 2 008 служилых людей (дети боярские[1], рейтары, стрельцы, пушкари, казаки, кузнецы и др.). Это была настоящая военная твердыня, о которую разбивались налеты степняков, не умевших брать крепости путем осады.

Под защитой засечной черты с такими укреплениями сторожà и станичники имели возможность успешно нести свою опасную службу. Они были авангардом русской колонизации и гражданственности в этих девственных областях. Они как бы наметили тот край, который позднее должен был стать русским. Сторожà и станичники, главная обязанность которых заключалась в наблюдении за татарскими шляхами и перелазами, были только «путешественниками» в этих местах: они должны были проезжать громаднейшие пространства в несколько сот километров и потому не могли пользоваться более или менее продолжительными остановками. Но все-таки стоялые головы имели нечто вроде постоянных приютов; для этой цели они иногда пользовались природными укреплениями, а иногда строили небольшие острожки, которые потом служили постоянным жилищем для многих смен сторожей; некоторые из этих острожков со временем превратились в настоящие городки. Так, с каждым десятилетием русская колонизация проникала все дальше к югу.

На северо-восточной окраине Московского государства ее оборону во второй половине XVI в. взяли на себя из личных интересов богатейшие купцы-землевладельцы и промышленники Строгановы. Род Строгановых издавна владел по Каме, ее притокам и реке Вычегде огромными поместьями, с течением времени достигшими в совокупности размеров целого княжества. Захватив планомерно значительную часть пустопорожних земель обширного Пермского края, Строгановы развили на них энергичную колонизационную деятельность. Они расчищали непроходимые леса, устраивали поселения, рыбные ловли, бобровые гоны, хлебопашество. В целях обороны от черемисов (ма-

[1] При древних князьях это действительно были потомки бояр; в Московском государстве — низшая степень служилых людей. В боярские дети, которых наделяли поместьями, производили за «добрую службу» казаков и вольных людей.

ри), татар, остяков (хантэ) и вогулов (манъси), обязанных платить Москве ясак (дань), Строгановы получили от Ивана Грозного особое право, кроме созыва колонистов, набирать также «охочих людей» (казаков и стрельцов), которые охраняли бы устроенные их хозяевами острожки. Эти крепостцы — оборонительная линия для города Перми, окраинного центра — были снабжены должным количеством огнестрельного оружия (пушками и пищалями), самострелов, сабель, бердышей, свинцом и ядрами. Военное хозяйство Строгановых было поставлено настолько основательно, что, например, селитру для пороха Строгановы вываривали сами. Резиденцией этих купцов-феодалов был Сольвычегодск, где они выстроили себе из векового леса огромный дом-дворец, невредимо простоявший без малого два с половиной века.

Так на путях в Сибирь, на ближайших подступах к ее ископаемым и пушным богатствам, возникла колоссальная частновладельческая вотчина, нечто вроде пограничного государства. Помимо своего оборонно-колонизационного значения на далекой окраине, она сыграла и роль плацдарма в деле завоевания и освоения русскими зауральских областей. Начало этому было положено походом в Сибирь (1581 г.) знаменитого Ермака Тимофеевича с его товарищами-казаками, которых пригласили к себе на службу и снарядили на свой счет Строгановы.

Такую же оборонно-колонизационную роль, как строгановские острожки, играли и те городки, которые, после завоевания в 1550-х годах Казанского и Астраханского ханств, начало ставить само правительство на Волге в целях скорейшего освоения великого водного пути, ведшего к среднеазиатским и кавказским рынкам. Поволжские города — Тетюши, Самара, Саратов, Царицын и другие — возникли как оборонные военные пункты, а не как местные центры торговли. Выбирая для них место, руководились прежде всего соображениями стратегического порядка. Население этих острожков, в дальнейшем превратившихся в большие города, состояло из стрелецких гарнизонов, под охраной которых кое-где ютились небольшие торговые слободы и посады. Поволжские крепостцы гораздо нагляднее, чем тогдашняя пустынность берегов, говорили о том, насколько в XVI — XVII вв. не замирен еще был этот полуязыческий, полуматометанский край, граничивший с Приуральем.

Но основная цель оборонно-сторожевой службы на юге

и юго-востоке страны была все-таки достигнута: с конца XVI в. почти совсем прекратились большие набеги татар; последний такой набег имел место в 1618 г., когда степнякам удалось дойти только до Белева и Одоева (в нынешней Тульской области). В XVII столетии татарские набеги превратились в простые разбойничьи налеты, с которыми легко справлялись своими силами оседлые жители степной окраины. Обширные области дотоле пустынной земли стали теперь доступными для мирного труда земледельца, для создания более высоких форм хозяйства, принесенных с севера русскими колонистами. Память же о тех страшных временах, когда степняки дотла сжигали на юге и юго-востоке целые города и селения, сохранилась лишь в народных песнях и сказаниях.

* *
*

Засечная черта с ее острогами, острожками, рвами, валами, надолбами и тому подобными заграждениями являлась обороной страны с юга и юго-востока. Несколько иной характер носило «береженье» государства на западной его границе, там, где соседями Русского государства были шведы, Ливонский орден, Литва и Польша. Здесь, в соответствии с методами ведения военных действий западными соседями, защита русских пределов осуществлялась преимущественно большими городами, представлявшими собой каменные крепости с многочисленными гарнизонами и артиллерией.

Такой крепостью был прежде всего старинный Смоленск, «ключ к Москве», как определяли его военное значение иностранцы, «ожерелье» Московского государства, как назвал Смоленск Борис Годунов. Этот город в 1596 г. русский зодчий Федор Конь окружил каменными стенами, сделавшими Смоленск сильнейшей крепостью на нашей западной границе. Государство, владевшее Смоленском, обладало вместе с тем и речными путями по верхнему Днепру и верховьям Западной Двины с их притоками. Для Москвы и Литвы Смоленск являлся городом-ключом, отпиравшим и затворявшим пути в глубь их территорий. Вот почему из-за обладания Смоленском шла вечная борьба Москвы с Литвой. Из других городов этой области следует отметить город Великие Луки, открывавший и защищавший дорогу на Псков и Торопец (через последний шел путь на верхнюю Волгу и Москву). В Ливонскую войну Стефану Баторию удалось только хитростью взять эту крепость.

Очень важное значение имели города-крепости, лежавшие много севернее: Новгород Великий (оплот против шведов) и Ивангород, построенный в 1492 г. на реке Нарове, на самом ливонском рубеже. Еще более важное значение имел старый Псков, пограничный с Ливонией город, справедливо слывший неприступным: ни Стефан Баторий, ни позднее, в начале XVII в., во время польской интервенции, армия короля Сигизмунда, несмотря на отчаянные усилия, так и не могли сломить псковской твердыни. Южнее Пскова каменными крепостями на западной границе были города Борисов и еще ниже Новгород-Северский и Путивль. Между перечисленными сейчас каменными крепостями шел с севера на юг ряд второстепенных городов, тоже имевших военное значение: Корела, Изборск, Опочка, Остров, Вышгород, Себеж и южнее, в местности, обращенной к Литве, Брянск, Трубчевск, Чернигов, Мглин, Почеп, Стародуб. Все они представляли собой стратегические пункты, хорошо защищенные деревянными и земляными укреплениями.

К числу оборонных пунктов древней Руси принадлежали также и монастыри. Опоясанные крепкими каменными стенами, имея вооруженную охрану, они сами ограждали себя силой оружия от нападения врагов. Известно, какой сокрушительный отпор дала в начале XVII в. Троице-Сергиевская лавра заносчивым панам-интервентам, рассчитывавшим недели в две-три взять и разграбить богатый монастырь, но вместо этого разбившим себе лоб об его крепостные стены и бойницы.

Монастыри являлись, по старорусской терминологии, сторóжами и самой Москвы, бдительно стоявшей на страже всей Русской земли. Московский Кремль, обнесенный в 1340 г. высокими дубовыми стенами с многочисленными стрельницами (башнями), превратился тогда из крепостцы в настоящую крепость; в 1367—1368 гг. он был обнесен впервые каменной стеной с такими же башнями и железными воротами; к концу XV в., когда Кремль стал первоклассной крепостью, относится его нынешняя ограда с башнями, декоративные верхи которых надстроены в XVII столетии. В первой половине XVI в. построены крепостные каменные стены Китай-города, примкнувшие к кремлевским укреплениям, в конце века — каменные же стены Белого города (по линии бульваров); вслед за этим деревянные стены Скородома кольцом окружили всю столицу. Одновременно с этим долгим строи-

тельством постепенно были созданы крепостные форпосты, вынесенные далеко за пределы тогдашней Москвы. Этими форпостами были подгородные монастыри (Спасо-Андроньев, Новоспасский, Симонов, Данилов, Донской, Новодевичий). Сначала деревянные, они со временем превратились в мощные крепости с каменными стенами, полукольцом охватившие Москву с той стороны, откуда ей всегда грозила наибольшая опасность, т. е. с южной.

Засечная черта, острожки, каменные крепости имели, разумеется, огромное значение в деле успешной обороны страны; но не меньшее, если только не большее значение имел в настоящем случае тот самоотверженный героизм, с каким наши предки защищали родную землю. Из бесхитростного рассказа летописей мы знаем, как, например, оборонялись во время Батыева нашествия даже самые незначительные городки. Маленький Козельск — по своим укреплениям не более, чем бревенчатый острог,— будучи окружен со всех сторон полчищем победоносного врага, защищался семь недель. Василий, малолетний князь Козельска, пропал без вести; передавали, что он утонул в крови. Батый «назвал Козельск Злым городом: имя славное в таком смысле!» — замечает по этому поводу Карамзин.

Иностранные путешественники, писавшие о России XVI—XVII вв., согласно отмечали необычайное мужество и искусство русских при обороне городов. С удивлением рассказывали они о том, как русские пушкари, видя, что крепость уже взята приступом, спешили привести в негодность свои орудия, а потом, продолжая обороняться, умирали на них, но не сдавались и не хотели спасаться бегством.

Страна, всегда имевшая в прошлом, и теперь, в Великой отечественной войне против фашистской Германии, вероломно напавшей на Советский Союз, имеющая таких защитников, никогда никем не может быть побеждена.

Редактор А. Севрюгин.

Тираж 40.000 экз. Подписано в печать 12 марта 1942 г.
Л 20160. Заказ № 297. 3 п. л. 38 тыс. зн. в 1 п. л.
Цена 50 коп.

Тип. газ. «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24

50 коп.